

Его настоящее имя — Дэвид Коткин. Сын иммигрантов из России стал известнейшим во всем мире иллюзионистом, перед которым меркнет талант даже легендарного Гудини. Псевдонимом Дэвид выбрал себе имя невезучего героя Чарльза Дикенса, но вопреки псевдониму жизнь его складывается удачно. Вершиной же своего счастья сам Копперфильд считает день 10 октября 1993 года, когда он встретил «девушку своей мечты» — несравненную Клаудию Шиффер.

Детство Дэвида чем-то напоминает сказку о гадком утенке. Самый великий иллюзионист всех времен и народов, он в детстве мало отли-

ки проделывает Копперфильд на сцене. А вне ее? Однажды Дэвид поспорил, что заставит исчезнуть... Статую Свободы в Нью-Йорке. Звучит невероятно, но спор он выиграл, получив не только гигантские деньги, но и титул фокусника планеты № 1.

Но самое удивительное в том, что Дэвиду Копперфильду, зарабатывающему больше, чем Шварценеггер и Мадонна вместе взятые, совершенно несвойственна «звездная» болезнь. Поговоришь с ним и убеждаешься: Дэвид просто скромняга! Готовый к тому же ответить на любой каверзный вопрос, который ему подбрасывают ничего не стесняющиеся журналисты.

— Дэвид, вы так ревностно ох-

Магия чувств Дэвида Копперфильда

чался от своих сверстников. Более того, был некрасив, робок и, как он сам теперь признает, имел ужасный комплекс неполноценности. Именно тогда, в семь лет, Дэвид научился от деда, бедного одесского переселенца, первому «волшебному» трюку, который и положил начало его не совсем обычной страсти.

Сейчас, тридцать лет спустя, когда за спиной у него почти четверть века на сцене, Дэвид здорово изменился. Высокий, атлетически сложенный, уверенный в себе мужчина, он благодаря нескончаемому шоу, телепрограммам и кругосветным турне стал идиолом для миллионов людей по всему миру.

Тот, кому доведется впервые увидеть представление Дэвида Копперфильда, не поверит собственным глазам. Хотя самое интересное в том, что все «фокусы» Дэвида настолько просты, что кажутся почти естественными. И все же зрителю не сдержать удивленных возгласов, когда этот темноглазый волшебник, стоя на сцене, внезапно исчезает в густом облаке странного дыма, чтобы через мгновение вновь появиться, но уже далеко в партере. Или когда из ладоней его вдруг начнет сыпаться снег, медленно покрывающий холодным ковром весь зрительный зал. Или же когда юная ассистентка «разрезает» его пополам, а две половинки, разбегающаяся в разные стороны, радостно приветствуют публику. В это трудно поверить, но именно подобные шту-

раняете свои профессиональные секреты, что, говорят, даже заставили Клаудию Шиффер подписать специальное предбрачное соглашение. Она якобы обязуется не разглашать тайны копперфильдовской магии?

— Чепуха! Когда мои секреты попадают к Клаудии, я спокоен. Разумеется, тот, кто со мной работает, просто обязан подписывать подобные документы, но вот любимая женщина... Еще чего не хватало! И потом, если она что-нибудь сболтнет, я возьму и превращу ее в лягушку!

— Значит, стопроцентное доверие? Расскажите, как родилась ваша любовь?

— Могу назвать число, время и место: 10 октября 1993 года в восемь часов вечера в Берлине. Это случилось во время открытия моего немецкого турне, на которое Клаудия пришла со своей семьей. В зале находилось почти полторы тысячи человек, но ее я разглядел сразу. У нее как-то странно блестели глаза, и я внезапно почувствовал, будто мы безгранично понимаем друг друга. На вечеринке после шоу я пригласил ее потанцевать, и мы не расставались всю ночь. Я даже показал один фокус специально для нее: сделал так, чтобы со всех столов исчез хрустящий картофель. Потом, в один прекрасный момент, мой отец отозвал меня в сторону и сказал: «Сынок, смотри не упусть эту девушку. Сразу видно, что она особенная и ей

хорошо с тобой». Через два дня я присоединился к ней в Париже, куда она улетела на очередной показ мод, и с тех пор мы вместе.

— Что же объединяет вас?

— Мы оба очень романтические люди и верим в семью. Нам с Клаудией повезло: мы выросли в дружных семьях. Кроме того, у нас одинаковые вкусы — любим музыку, кино, танцы. Так что у нас много общего!

— А вы любите совершать какие-нибудь романтические жесты по отношению к Клаудии?

— Мне нравится делать ей сюрпризы. Пару месяцев назад я был во Флориде со своим шоу. С Клаудией мы не виделись около двух недель и договорились, что я прилечу к ней в Нью-Йорк на следующий день. А я сразу после спектакля нанял частный самолет и — вперед! Чтобы она ни о чем не догадалась, позвонил ей из самолета, сказав, что я в гостинице и иду спать. Вот так, тайно, приехал к ней домой, открыл дверь ключом, который мне оставила под ковриком ее секретарша, и тихонько вошел.

— И что, Клаудия не перепугалась, услышав, как среди ночи входят в ее квартиру?

— Может, другая на ее месте и вызвала бы полицию. Но Клаудия не из таких. Недаром она женщина моей мечты. Порой мне кажется, что она читает мои мысли!

— Ну а в чем же, по-вашему, особенность Клаудии?

— В том, что с ней я впервые почувствовал, что могу оставаться самим собой. В отличие от других женщин она никогда не пыталась меня изменить. Она прекрасно знает все мои достоинства и недостатки, и я устраиваю ее таким, какой есть.

— И какие же у вас достоинства и недостатки?

— О достоинствах не мне говорить. А что касается недостатков... Работа требует от меня строгой дисциплины и полного в ней растворения, что, согласитесь, нравится далеко не каждой женщине. Но ведь и сама Клаудия — настоящий профессионал в своем деле и прекрасно понимает мои трудности.

— Все же, как известно, вы проводите по два спектакля ежедневно, семь раз в неделю и двенадцать месяцев в году, а свободное время посвящаете созданию новых трюков. Клаудия тоже не домосед — разъезжает по всему миру на показы мод и на съемки для модных журналов. Простите, вы что, действительно считаете, что у вас получится нормальная супружеская жизнь?

— Конечно, когда появятся дети, нам придется замедлить рабочий ритм. Семья — прежде всего.

— Ну а как вы находите время для встреч сейчас?

— Разумеется, не так просто совмещать наши поездки, но — как изо дня в день доказывают мои фокусы — в мире нет ничего невозможного. Особенно когда что-то делаешь ради любви. Кстати, то обстоятельство, что нам непросто видеться, придает нашим встречам невероятный романтизм. Короткие часы, которые удаётся урвать у работы, становятся драгоценными, и мы научились использовать их на всю катушку.

— Значит, Клаудия любит и приемлет вас таким, какой вы есть. Но разве не она полностью изменила ваш имидж? До встречи с ней у вас был броский стиль артиста из Лас-Вегаса. А теперь вы носите только строгую одежду от самых известных модельеров.

— Да, это заслуга Клаудии, но, поверьте, она мне ничего не навязывала. В основном ее влияние и ограничилось моими сценическими костюмами. Для европейского турне их пошил Джанни Версаче, с которым меня познакомила именно Клаудия.

— Несмотря на вашу, Дэвид, известность, вы всегда были застегнуты на все пуговицы, оставались в стороне от светской суеты. Как вы переносите повышенное внимание прессы к вашим отношениям с Клаудией?

— Признаться, постоянное преследование репортеров — штука не из приятных. Но если такова плата за счастье быть помолвленным с прекраснейшей женщиной в мире, то — ради Бога! Впрочем, нас это внимание не особенно раздражает. Журналисты, с которыми мне доводилось беседовать, за редким исключением были достаточно лояльны. А вообще, нетактичность — одна из немногих вещей, которые страшно выводят меня из себя. Недавно мне пришлось прервать интервью с одним немецким журналистом. Знаете, что он выдал? «Всем известно, что вы голубой и что роман с Клаудией Шиффер — лишь прикрытие, рекламный трюк». У меня аж в глазах потемнело. К счастью, хватило выдержки, чтобы проводить его до двери.

— В Канаде вы поразили всех тем, что, спускаясь на горящем плоте по Ниагарскому водопаду,

вдруг исчезли и появились, целый-невредимый, в другом месте. В Китае прошли сквозь Великую Стену, будто она построена не из камня, а из сливочного масла. В Нью-Йорке под вашими руками исчезла Статуя Свободы! Живи вы в древности, ваши фокусы отнесли бы к области сверхъестественного. Говорят, у вас огромная коллекция магических книг и инструментов. Как вы относитесь к магии?

— Я в магию не верю. И все серьезные иллюзионисты так бы ответили, ибо магия — это трюки, которые использует человек, не желающий говорить правду. Книжки из моей коллекции прекрасно это доказывают. Кстати, я предоставляю их в распоряжение любого профессора, который хотел бы их поизучать.

— Вам всегда удается со сцены установить тесный контакт со зрителями. И это результат вовсе не какого-нибудь фокуса, а ваших замечательных качеств. Наверное, любовь публики заставляет вас отдавать всего себя работе?

— Душевное участие людей — вещь прекрасная, но и вызов, который я бросаю самому себе, не менее важен. Мне нравится удивлять и людей, и самого себя. И эта страсть заставляет меня продолжать опасную и сложную работу. Если ты способен вернуться в детство, пусть и ненадолго, отдалиться во власть волшебству — разве это не чудо?

— Что для вас важнее всего в жизни, разумеется, после Клаудии и работы?

— Безусловно, «Project Magic» — программа, которая проводится более чем в тысяче больниц тридцати стран мира. Цель ее — научить магическим трюкам больных людей. Эта идея родилась у одного парализованного иллюзиониста, с помощью психологов и терапевтов мы разработали ряд фокусов, которые могут демонстрировать люди с тяжелыми физическими недостатками. Даже слепые! Оказывается, то, что им удается поразить «нормальных» людей, очень поддерживает больных в моральном смысле.

— Вам удалось достичь невероятных высот в своем искусстве, и на земле нет вам равных в трюках, достойных научной фантастики. Почему же вы продолжаете так настойчиво их охранять?

— Отвечу фразой Марка Твена, которая стала девизом моей жизни: «Не расставайтесь со своими иллюзиями, ибо если вы потеряете их, то, конечно, будете существовать, но что это будет за жизнь?»

Подготовила С.РЮРИКОВА

